

всерьез. Даже жизнь...»

Молодость... Море... Любовь... (с женой Тamarой Федоровной)

прошло благополучно, но недовольным остался один партийный чиновник: он вдруг обвинил меня в мистике. Это когда я в образе Николая

«Ничего не скажу журналистам! Ничего»

Вольтеровская улыбка

Сейчас зал будет лежать от хохота...

«Кавказская пленница»

ВАСИЛЬЕВИЧ С ЕХИДНОЙ УЛЫБКОЙ ГОВОРЮ: «ЕСЛИ ЧТО-НИБУДЬ НАПИСАЛ ПЛОХО — СОЖГИ...». ЧТО-ТО НАПУГАЛО ПАРТИЙНЫХ ЦЕНЗОРОВ, И ОНИ ЗАСТАВИЛИ ВЫРЕЗАТЬ ЭТОТ КУСОК.

— Козинцев был доволен вашей работой?

— Да, он почему-то считал меня серьезным актером. Но когда случайно увидел «Пса Барбоса...», как мне рассказали ленинградцы, был расстроен, что я снимаюсь в такой муре.

— Есть ли у вас любимая роль?

— Мне больше других нравится роль сэра Эндрю в «Двенадцатой ночи» режиссера Яна Фрида. Она была отмечена в Англии: вышла статья, очень приятная для меня, где было написано, что я точно ухватил английское чувство юмора. Я даже получил письмо от одного студента из Оксфорда, где он изливался восторгами. Но Биби-си, говоря об этой роли, называло меня, почему-то, Выпин. Возможно, оно и предсказало будущие мои «пьяные» кинороли.

— Говорят, зрители, приходя на «Укрощение укротителя», спрашивали, кто сегодня играет. И если не Вицин, они даже не брали билеты.

— Может быть. Но мне запомнился такой факт. Увидев в Доме актера отрывок из этого спектакля, мой самый строгий педагог по Школе-студии Серафима Германовна Бирман мимомоходом строго бросила: «Вы мне напомнили Мишу Чехова!». Серафима Германовна действительно

Но все заготовки к роли сэра Эндрю зародились опять же в театральном сундуке. Была такая пьеса Флетчера «Укрощение укротителя». Я играл старика Морозо, сексуально озабоченного, но уже ничего не могущего. С этим спектаклем у нас было много всего. Во-первых, он получился очень пикантным, и даже был такой случай: пришел генерал и жалуется, что он привел свою шестнадцатилетнюю дочь, сел с ней в первый ряд и был возмущен тем, что говорилось со сцены. А говорилось все с современным прицелом. Сексуально. В замечательном переводе Щепкиной-Куперник. Так мы потом эту пьесу два раза сокращали. У меня, например, была фраза: «Мой полк заляжет тоже!». А слуга в ответ: «Заляжет и не встанет!». Переписали: «Мой полк заляжет тоже». А в ответ:

«Он слишком слаб, чтоб мог стоять». Неизвестно, доволен ли был генерал. Но думаю, что если бы он и пришел, то уже без дочки.

была очень строгой и требовательной. Она постоянно всех одергивала и очень бдительно следила за нашим поведением, и я помню такие ее фразы в мой адрес: «Вицин, изящнее!», «Вицин, уберите свою вольтеровскую улыбку!», «Вицин! Вы как заядлый халтурщик на радио! Откуда у вас такое резонерство?». Она предсказала мою дальнейшую жизнь: я действительно часто выступал на радио.

Позднее я вылепил скульптурку — этакий дружеский шарж на нее. Когда актеры МХАТа-2 это увидели, предупредили: «Ты только ей не показывай ни в коем случае!». Но позже я ей про скульптурку все-таки сказал, и она загорелась ее увидеть. Но, к сожалению, не успела...

— Вы с юности занимаетесь скульптурой?

— Точнее, скульптурным портретом. Это искусство вошло в мою душу, и даже сейчас я думаю возобновить мое увлечение. Напереживавшись в своей профессии и ставя выше искусство изобразительное, я постарался нацелить свою дочь на живопись и прививал ей эту любовь с детства. Наташа закончила графический факультет Суриковского института, хотя лично я считаю, что она очень хороший портретист. Она обладает редкой способностью передавать существо человека. Впоследствии Наташа оставила свой след и в кино: создала рекламные плакаты нескольких фильмов, среди которых «Неоконченная пьеса для механического пианино», «Ирония судьбы, или С легким паром!», зарубежные картины.

— А кто главный в вашем доме?

— Главный человек в нашем доме — Тамара Федоровна, моя супруга и мама Наташи. В своей работе она имела непосредственное отношение к театру: была и художником, и бутафором, и гримером, и декоратором, занималась таким уникальным искусством, как шелкография, и даже по совместительству исполняла небольшие роли на сцене Малого театра. Так что про театр она знает... все. Поэтому она меня всегда видела насквозь, то есть понимала. Еще она хороший воспитатель, так как воспитала не только нас с Наташей, но и